

Тело господина и тело суверена. А. Кожев, К. Шмитт

Научный руководитель – Филиппов Александр Фридрихович

Дедов Михаил Юрьевич

Студент (магистр)

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Факультет гуманитарных наук, Москва, Россия

E-mail: dedovmu@gmail.com

Суверенность привязана к телу. Целостность абсолютного государства зеркально отражается целостностью тела суверена, принимающего решение, на котором зиждется сотворённый из хаоса порядок государства. Тело суверена вдали от напряженности решения теряет эту автономию. В разговоре о власти и о доступе к властителю; Карл Шмитт описывает характер пространства и предпространства власти — пресловутого коридора, ведущего к телу властителя, заполненного различными советниками, доносчиками и просителями. Решение, принятое сувереном, моментально подхватывается стоящими в коридоре, в своем исполнении претерпевая бесчисленное множество искажений. Карл Шмитт пишет: «Властители, которые чувствовали эту зависимость и впадали от этого в гнев и ярость, затем пытались получить информацию не у своих постоянных советчиков, а как-нибудь иначе. [hellip;] Но, к сожалению, они тем самым только попадали в новые зависимости, часто гротескные». Одна из наиболее подробных разработок подобной диалектичности в философии — это аппаратура диалектики раба и господина в «Феноменологии духа»; Г. В. Ф. Гегеля. Исследовательница Гегеля К. Малабу так пишет про это место: «чтобы доказать себя как сознание — не вещь и не объект — другому сознанию, сознание должно показать, что оно не прикреплено к любому конкретному существованию, не к индивидуальности, свойственной существованию как таковому, то что оно не прикреплено к жизни. [hellip;] Господин — это тот, кто способен к такому откреплению, раб — тот, кто поработен своей привязанностью к жизни и, следовательно, телу». Кроме логической точки суверенности как смерти, существует историческая перспектива выхода из описанной диалектики. Гегель был философом Французской революции: здесь в Эпоху террора, человеку была явлена динамика абсолютной свободы, неминуемо сопровождаемой смертью. Французская революция создает условия для универсального государства, в котором признание причитается каждому. Остальная история мира заключается в постепенном движении к установлению универсального штата. Основной темой переписки К. Шмитта и А. Кожева, состоявшейся в 1950-х годах, стало именно это историческое движение. Для Кожева «мотор» истории затухал, и холодная война была последним тлеющим очагом. В то время французский гегельянец уже утратил надежду на преобразующую силу возможной революции, говоря, что универсальное государство установится под знаменем одной из существующих мировых сил, без радикальной трансформации. В своем двояком служении как чиновник и философ, Кожев видел свою роль в сильной поддержке европейского лагеря, который он видел как отличный от лагеря СССР или США. Разговор о суверенности в этом контексте, однако, имеет мало смысла. Человек универсального государства — человек постисторический. Признание здесь получается каждым, но это не признание в качестве человека, которого узнал бы кто-то из ныне живущих. История человечества — история враждебности. Враг, выделение которого — *raison d'être* суверена Шмитта возможен только в определенный момент развития мировой логики. Но в итоге и он исчезает. Суверенность осмыслена только постольку, поскольку

есть это разделению, но в конце истории для этого нет возможности и даже философия как вид деятельности, в которой сознание отстаивает свою отдельность (помещенное в *сogrus* или нет) теряет условия своей возможности. Таким образом, в этих двух способах рассмотрения суверенность в конечном итоге теряет смысл, от искажающего характера *laquo*;предпространства*quo*; власти в одном случае и от отсутствия возможности сделать любое значимое разделение в другом. Наиболее напряженной точкой как в гегельянстве, так и в теории суверенитета Шмитта, остается точка войны. Гегельянский господин здесь показывает пренебрежение к земной жизни, в своей уязвимости поработав побоявшегося раба. По замечанию Кожева *laquo*;господином нельзя жить, господином можно только умереть. Суверен здесь наиболее четко проводит разделение друга и врага. Способность провести подобное различие и является определением суверена. Другой важной точкой напряженности становится понятие страха. Страх *ndash*; ключевая политическая эмоция, представители традиции политической мысли, к которой относил себя Шмитт видели его как важнейшую объединяющую силу любого цивилизованного общества. Именно страх преодолевает гегелевский господин, решаясь пойти на риск, связанный с экзистенциальной борьбой, в которой решается расстановка дихотомии раба и господина. Страх делает государство как единство возможным, но хотя бы одновременно, стоящий на его вершине суверен преодолел это объединяющее чувство. Из этого краткого рассмотрения следует следующий вопрос: возможно ли, что истинная суверенность заключается не в исключении и отчуждении какого-то элемента, но в конституировании и признании уязвимости, явление которой может служить как подготовкой к экспансии так и подчеркиванием своей человечности, преодолевшей страх встречи с другим. Фигуры господина и суверена в свете данного вопроса должны быть оснащены образом физического и теоретического тела, способного вынести вес уязвимости, несущей суть подобного понимания не закрытой автономии.

Источники и литература

- 1) Карл Шмитт Понятие политического пер. с нем. под ред. А. Ф. Филиппова СПб. : Наука, 2016
- 2) S. Houlgate, M. Baur ed. A companion to Hegel. Oxford: Wiley-Blackwell, 2011.